

18+

Виктор Минаков

Нашествие
третьей беды

Сатирические рассказы

Виктор Минаков

**Нашествие третьей беды.
Сатирические рассказы**

«Издательские решения»

Минаков В.

Нашествие третьей беды. Сатирические рассказы / В. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961142-0

Пространство между двумя старыми, но чрезвычайно живучими бедами — дураки и дороги — энергично заполняется третьей, тоже предосудительной и тоже позорной бедой, это — мошенники. И если два компонента уже спаявшейся троицы довольно инертны: проявляют себя, только когда кто-нибудь к ним обратится, то третий — мошенники — и агрессивен, и к тому же весьма плодовит.

ISBN 978-5-44-961142-0

© Минаков В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ПОД ХМЕЛЬКОМ	7
ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ	10
ХОЛЕРИК	19
НАХОДКА	23
ГРЕХИ ВО СПАСЕНИЕ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Нашествие третьей беды

Сатирические рассказы

Виктор Минаков

© Виктор Минаков, 2019

ISBN 978-5-4496-1142-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Рассказы, включенные в предлагаемый читателю сборник, посвящены очень болезненной теме. Они по отдельности публиковались в печатном и электронном вариантах, и кому-то уже, возможно, встречались. Но вновь обратиться к ним, собрав воедино, вынуждает проблема, которая когда-то и была причиной их написания, и которая продолжает быть актуальной. Более того, она обострилась, стала повсеместной и агрессивной. Эта проблема – мошенничество.

В недалеком прошлом мошенничество осуществлялось преимущественно при прямых контактах, с глазу на глаз. Технический прогресс внес и сюда свои коррективы: в мошенничество вовлечены такие средства влияния на обывателей как телевизор и интернет, и мошенники теперь зачастую являются крупными специалистами в информационных технологиях. С телевизионных экранов, с дисплеев компьютеров на доверчивых граждан потоками льются соблазнительные приманки в разных их видах и упаковках. И многие из них заключают обман. Так или иначе, каждый сталкивался с обманом и злоупотреблением доверия.

Мошенничество считается преступлением. Мошенников сажают в тюрьму, мошенники презираются абсолютно всеми людьми, даже самими мошенниками, если вдруг эти мошенники пострадали от козней таких же мошенников. При таком раскладе мошенничество должно уменьшаться и даже исчезнуть как класс вредоносных явлений. Однако наблюдается совершенно другое: мошенничество растет, мошенники процветают.

Почему происходит такое? Этот вопрос должен быть многим интересен сегодня.

Собирая в книгу рассказы единой тематикой, автор видел свою задачу в том, чтобы сосредоточить внимание читателей на позорной беде и найти как можно больше сторонников ее обуздания, а, в идеале – изжития.

Произведения, помещенные в сборник, написаны по следам и под впечатлением отражаемых в них событий. Указано время написания каждого, и это позволяет представить себе, узнать или вспомнить, что и как было тогда, сопоставить с тем, что стало сегодня и сделать несложные выводы.

ПОД ХМЕЛЬКОМ

Николай Фомич, конечно, старел, но цепко продолжал держаться за жизнь, и на таблетках, микстурах, кефирах, а также на физических упражнениях, выполняемых им ежедневно, он проскрипел до своего восьмидесятилетнего юбилея. Впрочем, «проскрипел» – это для него не совсем точное выражение. В свои почтенные годы Николай Фомич выглядел молодцом. Поджарый, подтянутый, почти как солдат строевой подготовки, он вместе с выправкой сохранил стопроцентное зрение, безукоризненный слух и почти все свои зубы.

Максим, старший сын юбиляра, задумал с размахом отметить этот знаменательный день. Отца он любил и помнил его не заурядное прошлое: Николай Фомич был в свое время крупным партийным работником. И об этом знали не только в этой семье.

На торжество, кроме родственников, были приглашены здравствующие еще знакомые юбиляра, кое-кто из соседей и трое сослуживцев Максима.

Виновника торжества посадили на почетное место, дружно наполнили стопки и рюмки, и стали произносить юбилейные тосты. Николай Фомич, если и не осушал каждую стопку до дна, то понемногу все же отхлебывал и вскоре хорошо захмелел. Захмелели и гости, а насытившись, стали просить старика рассказать им о прошлом, том, как жилось всем тогда, при Советском режиме.

Николай Фомич, польщенный общим вниманием, предварительно уточнил:

– О чем вы конкретно желали бы знать?

– Обо всем! – был единый ответ. – Нам сейчас обо всем интересно.

– Расскажи о колхозах, – попросил его внук. Он учился в девятом классе и, вероятно, вопрос задал с целью прояснить что-нибудь по школьной программе.

– Почему про колхозы? – удивился Максим Николаевич. – Дедушка твой никогда не работал в колхозе. Дедушка был партийным, руководящим работником. Он руководил партийной организацией в городе. Он...

Но здесь Николай Фомич возразил:

– Нет, я и о колхозе могу рассказать!.. Колхоз – это такая организация сельского населения, когда...

И он доходчиво, хотя слегка запинаясь, стал говорить о сути колхозов, об их преимуществах перед единоличной аграрной системой, заметно увлекся перечислением таких преимуществ, но спохватился – надо быть честным – и вспомнил о недостатках.

– Правда, они, со временем, стали халаявничать, – говорил он, – посадить-то посадят, а когда настанет пора убирать урожай, кричат: помогайте, людей не хватает! Ну, мы, партийное руководство, конечно немедленно реагируем. Всех хозяйственников собираем к себе, ставим по стойке смирно и даем разнарядку – тому-то столько-то человек направить туда-то. Кому на арбузы, кому собирать помидоры, а кому на прополку иль на продбазу. И никому не было позволено отвертеться и вякать. Разговоры про свои планы не принимались: уборка урожая – важнее всего!..

И вдруг юбиляр, перебивая себя, заявил:

– А ведь я, знаете ли, и сам поработал в колхозе! Да! Имею за это Почетные грамоты!..

Гости, знавшие его биографию, переглянулись с улыбками: видимо, старичок так перебрал, что стал привирать.

Николай Фомич засек этот элемент недоверия и обидчиво произнес:

– Работал! Еще когда в институте учился!

Гости смущенно потупили взоры, а он продолжал:

– Тогда в институтах была такая система: студентов первых трех курсов после весенней сессии тоже было принято отправлять на помощь колхозникам. Пропалывать, убирать уро-

жай... Ну, дел было много... Создали бригаду и из нашего курса. И вот один однокурсник, Арнольд, отозвал нас, четырех человек, в сторонку и говорит: «Есть возможность не бесплатно работать, а за приличные деньги. Согласны?..»

Мы четверо, уже сблизившихся друг с другом студентов, конечно же, дали согласие. Работать все равно придется, а денег, особенно в то время, нам никогда не хватало.

Юбиляр ненадолго умолк, видимо, переживая былое. Гости вежливо ждали продолжения рассказа.

– Дальше мы жили по предложенной Арнольдом схеме, – прервал Николай Фомич паузу. – Нас четверых каким-то образом зачисляли в гортоп простыми рабочими. Там мы, якобы, в течение трех дней пилим и колем дрова, достигая при этом стахановских результатов. Ни пилы, ни каких топоров мы, естественно, и в руках не держали. Потом, уже от гортопа, нас направляют в тот же колхоз, куда мы должны были попасть от института. От гортопа нас туда направляют с сохранением среднего, этого фантастического заработка на все время пребывания в колхозе... Вся эту комбинацию, как потом я узнал, придумал папаша Арнольда... И это еще не все. Этот папаша придумал и как своего сына, Арнольда, а с ним и всех нас освободить от тяжелой колхозной работы. И очень удачно: в колхозе мы бы ни дня не работали. Жара, комары, прополка – жизнь, хуже каторги. В первый же день мы решили бы плюнуть на все: на деньги, на неприятности в институте, и сбежать. Папаша Арнольда все это предвидел. Он уже договорился обо всем с председателем колхоза, и мы, показавшись в колхозе, в тот же вечер вернулись в город, домой. Все лето мы провалялись на пляже, хорошо загорели, а перед началом семестра Арнольд собрал нас опять и просит расписаться в ведомости на зарплату, вручает нам деньги. Но не все, что указаны в ведомости, а на двадцать процентов с каждого меньше.

– Это, – говорит он, – надо отдать начальству гортопа за то, что они сделали нам такую большую зарплату. И председателю колхоза.

Николай Фомич обвел гостей настроенным взглядом и почему-то поднял вверх указательный палец.

– Никто из нас, конечно, не возражал, – продолжил он свой занятный рассказ. – Деньги, которые мы тогда получили, были для нас фантастические... Вот, такие были дела... А потом мы еще два года по этой же схеме проводили все лето. К тому же: в конце каждого лета в институт приходило письмо из колхоза, в котором нас, каждого персонально, колхозники благодарили за помощь... Я, конечно, все схематично здесь изложил, самую суть, – сказал Николай Фомич в заключение. – За каждой деталью этой схемы была продуманность, договоренность, доверие... Но все было отлично – никто не оказался в обиде...

Юбиляр заносчиво посмотрел на гостей и счел необходимым добавить:

– Колхоз был миллионером, но все равно, председатель не отказался от дополнительных денег, отец Арнольда – тоже. А мы, студенты, были довольны до бесконечности: в каникулы – делай что хочешь, а в конце их – хорошие деньги. Плюс к этому – почет и уважение в институте: далеко не за каждую группу студентов приходила в институт благодарность...

Гости переглянулись и стали шушукаться. Максиму Николаевичу стало неудобно перед ними за это неприглядное откровение, и он, обращаясь непосредственно к сыну, к тому, кто поднял колхозную тему, сказал:

– Дедушка пошутил! Дедушка у нас с юмором!..

Но Николай Фомич возразил:

– Нет, я совсем не шучу! Я работал в колхозе! Я эти грамоты могу вам сейчас показать!..

Максим Николаевич подошел к старику и прошептал ему на ухо: «Пойдем на боковую, отец, тебе уже хватит».

Николай Фомич нехотя подчинился. Пошел, но уже в дверях, он вдруг обернулся и выкрикнул:

– А вот еще было...

Договорить он не смог: сын втолкнул его в комнату и плотно прикрыл за ним дверь. Вечеринка продолжилась без юбиляра, бывшего партийного работника крупного ранга.

Слухи о казусе на юбилее как-то быстро распространились, и однажды сына Николая Фомича остановил в переулке один из знакомых, который по какой-то причине на торжестве не присутствовал.

– Наслышан, наслышан, – с довольно ехидной улыбкой начал он разговор, и прозрачными намеками и недоговорками ловко смешивал юбиляра с не отмываемой грязью. Дескать, вот это да! Вот каким оказался наш уважаемый Николай Фомич! Вот тебе и партийный работник!.. И это в то время, когда считалось, что партия – это ум, честь, а главное, совесть народа!

– Это произошло в институте, а отец тогда еще членом партии не был, – ответил с неприязнью Михаил Николаевич.

И он пошел прочь от весьма говорливого встречного, сожалея о неуместной откровенности юбиляра.

– Конечно, конечно! – несло ему вслед. – Действительно!.. Но если он еще в студенческом возрасте, еще будучи беспартийным, выкидывал такие коленца, то что же вытворял он, имея на руках диплом, а в кармане билет члена партии!

Максим Николаевич на эти слова ничего не ответил, возможно, он их не услышал. От какого-то предка он перенял удобное качество: способность не слышать, игнорировать то, чего слышать не хочется.

2004 г.

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ

Целых два дня и две ночи меня донимала боль в левом ухе. То – ничего-ничего, а то начиналась такая стрельба, что хоть бейся, как говорится, о стенку. Самолечение не помогало, и с утра я пошел в поликлинику.

На лестничной площадке я встретил соседа, Степана Бердяева, шустрого говорливого мужичка, моего возраста. Он тоже запирает свою дверь.

– Здорово, Сергеич! – Бердяев поздоровался первым и сразу стал рассказывать о чем-то своем. – Понимаешь, совсем загребла меня эта головка!..

– Не понял. Какая головка? – спросил неосмотрительно я и тут же окунулся в бурный словесный поток.

– Головка! Заводная головка часов! – пояснял торопливо Степан. – Часы, понимаешь, швейцарские, дорогие как память от деда! Ходят отлично, а заводить не могу: шлицы у головки сточились на нет!.. И нигде такую головку подобрать не могу! Швейцарскую сейчас не достанешь, а наши, которые вроде бы по размерам подходят, совсем никудышные – уже третью придется выбрасывать! Бегу сейчас еще в одну мастерскую – обещали там что-то придумать...

Мы с ним вместе стали спускаться к подъезду.

– Понимаешь, – говорил все так же торопливо Степан, – в часах есть и другие детали, которые поважнее головки: шестеренки, там, анкер, маятник, пружина. А мне теперь кажется, что в часах самое главное это – заводная головка!

Выйдя на улицу, мы направились в разные стороны: он к автобусной остановке, а я – в поликлинику. Голова моя почему-то вдруг стала занята размышлением над словами Степана. Я шел и думал: «Как точно подметил он очень тонкую вещь: ценнее всего нам всегда кажется то, что в данный момент нас волнует! Какая глубокая мысль!.. Такое же происходит и в отношениях к людям: того, кто добросовестно выполняет свои дела и работу, того мы не ценим, и даже не замечаем, а вот лентяй, бракодел, пустомеля – те постоянно находятся в поле внимания, и не всегда в отрицательном поле! Когда забулдыга, к примеру, на месте и в надлежащем порядке – ему начинают воспевать дифирамбы: надо же, какой молодец – он трезвый второй уже день! Надо же – вчера он работу сделал без брака!.. Какую емкую мысль обозначил Степан мимоходом: даже пустышка, подонок, пройдоха в какой-то определенный момент может стать и дорогим, и желанным!»

Я, конечно же, сильно преувеличивал, считая редкой находкой эту хрестоматийную истину: почти две тысячи лет назад на нее указал сам Иисус Христос в одном из своих нравоучительных откровений. Он говорил: «Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти не заблудившихся».

Думая над словами соседа, я замечал их второй, дополнительный смысл, это меня увлекало: возникшая вдруг одна конструктивная мысль тянула за собой другую, третью и пробудила во мне целую гирлянду мыслей о парадоксальности всех наших цен и оценок. Разбираясь в этой гирлянде, я перестал даже чувствовать боль в своем ухе и не заметил, как перенесся в не такое уж и далекое прошлое.

Незадолго до развала Союза я работал в должности начальника проектно-сметного бюро управления местной промышленности. Тогда при каждом областном управлении существовали подобные организации. В основном, для двух целей: для престижа – дескать, и мы шагаем в строю научно-технического прогресса, и для сохранения поголовья мелких служащих. Центральные власти то и дело начинали борьбу за сокращение административного аппарата, устанавливали проценты, выполняя которые, управленцы давно должны были исчезнуть

как элемент, а в самих управлениях должны оставаться только крайне необходимые должности: сторож, уборщица, бухгалтер, кассир и начальник. Но такого не наблюдалось никогда и нигде – мелкие управленцы сохранялись и множились. Из безвыходного, казалось бы, положения был найден замаскированный выход: поскольку на категорию ИТР сокращения не распространялись, местные отраслевые начальники создавали организации типа НИИ, КБ, ПСБ, якобы для ускорения прогресса, и своей властью подлежащих сокращению управленцев формально переводили в штаты этих организаций, но все якобы сокращенные люди оставались сидеть в своих якобы пустующих кабинетах и продолжали заниматься своей рутинной работой. Такая игра в дурачков была всем известна, она казалась наивной, но она продолжалась, и только часть ИТР была занята действительно нужным для модернизации экономики делом.

В нашем бюро тоже была экспроприация кадров: больше половины работников управления числилось в нашем штате, однако мы все-таки свое предназначение исполняли, и были даже на хорошем счету.

Но вот оказалась вакантной должность инженера – сантехника. Занимал эту должность неприметный мужичок по фамилии Белкин, все-то он делал в срок, делал качественно, я не помню ни одного замечания по его разработкам, и особого внимания я на него как-то не обращал.

По какой-то причине этот Белкин уволился. И тогда оказалось, что сантехник-проектировщик очень ценная в нашем регионе специальность. Заведений, выпускающих специалистов сантехников в нашем городе нет, а в каждом проекте раздел сантехники есть, и его надо выполнить. В любом проекте имеются, конечно, и другие разделы, не выдашь проект без технологической, строительной, электротехнической части, эти части нередко сложнее, важнее, чем сантехническая, но такие специалисты в нашей организации есть, а вот сантехника – нет!.. Чтобы не останавливать выпуск проектов, можно было обращаться к шабашникам, а мне обращаться к ним не хотелось, во-первых, потому, что далеко не каждый шабашник одновременно и порядочный человек. Иной слепит кое-как работу, получит деньги, а если возникнут претензии – его уже не заставишь исправить им же допущенный брак. Во-вторых, на того, кто привлекает шабашников, часто смотрят с подозрением: наверняка он и сам при этом что-то кладет в свой карман. Я не хотел, чтобы на меня косились, но своего сантехника не было. Я мучился без сантехника.

Поделился своей проблемой с коллегами, а они надо мной посмеялись: да ты что, разве не знал?! В нашей области сантехник – самая значимая специальность! На вес золота!.. Я обращался в бюро трудоустройства – там только разводили руками: нет никаких перспектив! У нас за сантехниками громадная очередь... Сантехник стал сниться мне по ночам!

И вот однажды, когда положение стало совсем уж безвыходным, когда выпуск проектов совсем прекратился, когда за одного сантехника я был готов отдать оптом всех своих специалистов, мне позвонил Антошин, один из моих давнишних знакомых, и спросил:

– Ну как ты, сантехника себе еще не нашел?

– Не сыпь мне соль на рану! – простонал я.

– Ты Тимофеева помнишь?.. Учился с нами до третьего курса?..

Передо мной тут же возникла круглая ушастая голова бывшего однокурсника, студента механического факультета. Вечно какой-то сонный, унылый, вечно с хвостами. Он отстал от нас после третьего курса, и с тех пор о нем ничего я не слышал.

– Ну, вспомни! – требовал в трубку Антошин. – Охламон такой был... Он еще, когда нас в колхоз посылали, половину арбузов переколол.

Антошин напоминал об идиотском поведении Тимофеева на погрузке арбузов. Он тогда стоял последним в цепочке, по которой мы передавали арбузы к машине. В цепочке было человек восемь, арбузы большие, тяжелые, и вот, когда семь человек понянчили в своих руках тяжеленный арбуз и передали его Тимофееву, чтобы он выполнил последнюю операцию –

перебросил арбуз ребятам в кузове, арбуз выскальзывал из рук Тимофеева, падал на землю и разлетался на куски кровавого цвета. Сначала, вероятно, у него так вышло случайно, из-за его неуклюжести, и все засмеялись. Тимофееву это ужасно понравилось – он оказался в центре внимания, он сам заливисто захохотал и стал разбивать таким образом арбуз за арбузом. После третьего или четвертого показательного уничтожения результатов тяжелого труда многих людей, в том числе – нашего, Тимофеева обозвали болваном и переставили в начало цепочки.

Этот случай я помнил, но никак не мог уловить связь между должностью сантехника, с которой начал разговор мой знакомый, и ушастым студентом по фамилии Тимофеев с редким по тем временам именем – Альфред.

– Да помню я его! – сдался я перед настойчивыми требованиями вспомнить о нашей студенческой жизни. – Помню даже, как он наблевал в твою новую шапку!..

Этот случай был тоже из категории незабываемых. После зимней сессии Антошин и Тимофеев пошли обмывать свои результаты в столовую, пронесли туда водку и так накачались, что Тимофеева стало мутить. Он моментально схватил шапку приятеля и освободил в нее свой желудок. Это напоминание было для Антошина, наверное, не из приятных, и он что-то долго молчал.

– Чего ты вдруг вспомнил о нем? – поторопил его уже я.

– Он тот, кого ты ищешь во всех уголках города, – сказал, наконец, мой знакомый. – После того, как его вышибли из нашего института, он учился в строительном техникуме на сантехническом отделении, а после – несколько лет работал в таком же, как у тебя ПСБ... Правда, я слышал, что он все также слабоват насчет алкоголя, его даже пару раз в ЛТП оформляли... Но лучшего ты не найдешь: нет сейчас безработных сантехников!.. Записывай адрес...

Я записывал адрес Тимофеева, а сам думал: «Еще алкашей здесь у меня не хватало!» К алкашам у меня было сложное чувство – одновременно: и омерзение, и жалость.

– Подумаю, – сказал я в трубку. – Но ты еще про кого-нибудь вспомни...

Разговор этот состоялся в конце рабочего дня, а утром я застал перед дверью своего кабинета невзрачного сутулого мужика. По единственным во всем мире ушам я узнал в нем Альфреда Тимофеева.

Он выглядел не по возрасту старым. Лицо его стало похожим на куриные тушки, которые часто лежат на торговых прилавках: посиневшее, и все в глубоких, морщинах. Одет он был в заношенный, лоснившийся на локтях и коленях, однако чистый костюм, голубую рубашку, галстук. На ногах его были начищенные коричневые ботинки, в руках – выдавший виды портфель, и от всего этого исходил резкий запах цветочного одеколона. Было заметно, что Альфред тщательно готовился к нашей встрече, но меня, узнавшего, что он алкоголик, эта парадность не привела в умиление. Наоборот, она пробудила чувство опасности. Дело в том, что я уже встречался с такими вот начищенными и наодеколоненными алкашами. Этот лоск у них до первой стопки. Потом их костюмы за время запоя, превращаются в рубища, а лица, разящие сейчас дешевым одеколоном, обрастают серой щетиной и становятся угрюмыми, злобными, с тяжелым неприязненным взглядом.

Я посмотрел на Альфреда, как на незнакомого мне человека. Он тоже не выдал ни чем нашего прежде знакомства, и это мне, признаюсь, понравилось. Но не на столько, чтобы сразу растрогаться.

– Вы ко мне? – спросил я, открывая дверь кабинета.

– Мне вчера Антошин сказал, что вам нужен сантехник, – скромно произнес Тимофеев. – Я сейчас, правда, работаю, но могу перейти...

– Где работаете?..

Тимофеев назвал проектное бюро при управлении лесного хозяйства, которое было малоизвестным в нашей полупустынной области.

Информация о Тимофееве как о специалисте – окончил строительный техникум, работал по специальности в проектной организации – вполне устроила бы меня, и я сразу бы принял его на работу, будь на его месте незнакомый мне человек, но это был Тимофеев! Институтские его похождения еще не стерлись из памяти, и я решил не рисковать: не торопиться с его зачислением в штат, решил, не обязывая себя ни к чему, проверить, какой он есть специалист, и каким он стал человеком.

Я пригласил Тимофеева в кабинет, и, когда следом за мной он вошел, я сказал:

– Специалист по сантехнике мне действительно нужен. Прямо сейчас есть работа: нужно сделать привязку типового проекта механической мастерской. У вас, чтобы не ждать отработку перед увольнением: вас же не сразу, я полагаю, отпустят, есть возможность выполнить привязку проекта во внеурочное время... Можете поработать дома, вечерами?..

– Да я договорюсь! Меня без отработки отпустят! – заговорил возбужденно Альфред.

– Я вам сейчас покажу этот проект, – сказал я, как бы не замечая такого порыва. – Работу надо выполнить срочно, за неделю, а после мы продолжим наш разговор. Мне тоже надо этот вопрос как-то согласовать.

Алкаши, как известно, неплохие психологи. Поняв, что большего он сегодня добиться не сможет, Альфред угодливо закивал головой.

Я пригласил к себе главного инженера проекта и велел ему ввести Тимофеева в курс задания. Они вышли, но ненадолго – минут через пять оба опять появились в моем кабинете. ГИП доложил, что с проектом и условиями его привязки он Тимофеева ознакомил, Альфред кивками головы подтвердил его слова.

– Ну, как? Беретесь? – спросил я его.

– Можно, – почему-то вальяжно ответил Альфред. – Дело привычное.

– Условия?..

Меня интересовали сроки и сумма. Тимофеев заерзал на стуле, запыхтел, у него порозовели щеки, и на лбу появилось пятно. Было видно, что о чем-то он крепко задумался.

Я с интересом наблюдал за внешними признаками этого мыслительного процесса. Альфред молчал и как-то странно смотрел на меня. Я с удивлением перевел взгляд на ГИПа, тот по-своему понял меня и сказал:

– Ну, я пойду. Если буду нужен, я тут...

После ухода ГИПа Тимофеев стал приходить в норму, и на мой повторный вопрос об условиях он развязно ответил:

– Да, ничего, договоримся... потом.

Меня это несколько озадачило. Когда мне раньше приходилось привлекать к работе шабашников, те в первую очередь просили оформить трудовое соглашение с указанием суммы оплаты. Такой подход устраивал и меня: расставлены были все точки. Так, насколько я знал, поступали и другие. Тимофеев вносил что-то новое в установившийся порядок взаимоотношений между работодателем и наемным работником, и это меня беспокоило.

– Почему – потом? Вы не можете сумму сразу назвать?.. Хорошо, посидите, прикиньте, у нас есть необходимые ценники...

– Не в этом дело, – замялся Альфред. – Обмозговать надо, конечно. Так, чтобы мы оба в интересе остались... Тебе сколько не жалко? Чтоб и самому что-то иметь?

Меня покоробил и переход на «ты», и откровенно грязное предложение – выходит, Тимофеев считает меня за кого-то из тех, кто греет на шабашниках свои руки, тех, кого я презирал за это и презираю, тех, кто поддается на приманку шабашников, а потом бывает вынужден безропотно принимать их халтуру.

Кого-то другого я сразу бы выгнал, но с Альфредом я не решался этого сделать: все-таки бывший сокурсник. Я молчал, соображая, как правильней мне поступить, и Альфред стал активней.

– Работа, конечно, не емкая, но сотен на пять потянет, – произнес он тоном торговца на рынке.

– На пять?! Ее за три дня выполнить можно...

– Можно, – согласился Альфред. – Можно и раньше, но шабашки должны иметь свою выгоду. Здесь работы на сотню, а остальные – нам с тобой пополам...

Мне стало противно продолжать разговор, но другого выхода не было.

– Давайте сделаем так, – сказал я, демонстративно не принимая его панибратского тона, – то, что вы мне сейчас насчитали, сразу отбросим, считайте, что вы со мной расплатились. Работа – сто рублей. Это вы так сказали. Согласен и с тем, что шабашка должна быть выгодней, чем простая работа – еще полсотни прибавим. Итого – сто пятьдесят. Срок – две недели. Согласны?

Тимофеев уныло кивнул головой. Было видно, что он огорчен.

– Пишите заявление, – предложил я. – Дату не ставьте – зачислю задним числом. Как только сдадите работу, в этот же день получите полный расчет. Идет?..

Тимофеев опять молча кивнул головой. Вид у него стал задумчивым. Под мою диктовку он написал заявление о приеме его на временную работу, потом убрал в свой портфель альбомы санитарно-технической части типового проекта и стал прощаться.

– Вы мне скажите, как вам звонить? – спросил я, опять чувствуя непонятное беспокойство.

– У нас телефон стоит в другой комнате, а они не зовут, – уклонился Альфред от ответа. – Я сам позвоню, когда сделаю...

– В течение двух недель?..

– Обязательно, – сказал он, и его сутулая фигура скрылась за дверью.

Я вызвал ГИПа.

– Ты ему дал все исходные данные?..

– А как же!

– Как он по-твоему?..

ГИП пожал неопределенно плечами:

– А кто его знает?.. Слушал не очень внимательно, может, все слету схватил? И такое бывает...

– На ста пятидесяти рублях сторговались...

– Дешевле сейчас не найдешь... Своего сантехника надо иметь, тогда будет дешевле...

– Просится он к нам на работу... Думаю, проверить его на этом задании...

– Как же проверишь его на привязке типового проекта? – удивляется ГИП. – Такой-то проект я и сам мог привязать. Вдвое дешевле.

– Так чего же молчал?..

– Но вы же не мне предложили...

Помню, я возмутился:

– Не предложили!.. Куча объектов лежит незаконченных, любой выбирай, чего предлагать-то? Выбирай, делай! На любых условиях!

– Ну, я все же не спец по сантехнике. Я – строитель, – смутился ГИП. – А нам действительно нужен сантехник... Но этот проект я смог бы привязать не хуже любого сантехника...

– Ну, значит, сам виноват... Не побегу же я теперь отнимать у него. Надо было раньше думать!

По искрометному взгляду ГИПа я понял, что такой же совет он мысленно адресует и мне.

Прошла неделя, другая... Заказчик просил ускорить выпуск проекта – у него появились проблемы: деньги ему на строительство дали, а финансирование без проекта не открывают. Я как мог его успокаивал, говорил, что объект в работе, что работа большая и сложная, и при-

дется еще чуть-чуть подождать. Табель на Альфреда, я передал в бухгалтерию, и мне сказали, что кто-то уже интересовался по телефону: какую сумму начислили Тимофееву.

В день зарплаты (у нас была бухгалтерия, объединенная с бухгалтерией управления) по телефону мне сообщили, что к кассе подошел Тимофеев, и спросили можно ли выдавать ему деньги.

– Пока нет! – встревожился я. – Пришлите его ко мне!

Тимофеев не пришел ни в этот день, ни на следующий. Я был не на шутку обеспокоен: пропущен оговоренный срок, не понятно было и его появление у кассы. К тому же оказалось, что ГИП выдал ему все альбомы типового проекта и оригиналы исходных данных.

Я разыскал по телефону Антошина, того, кто рекомендовал мне Альфреда.

– Да я и сам не знаю, где он, – ответил Антошин. – Я с ним почти не встречаюсь. Он тогда случайно был у меня, и я тогда вспомнил, что тебе нужен проектировщик, вот и позвонил, прямо при нем. Больше его я не видел.

Антошин что-то темнил: не мог же он при своем приятеле говорить, что он алкоголик, и про другие нелицеприятные факты. Но я не стал выяснять с ним эти детали – не до них, мне срочно нужен был Тимофеев!

Я позвонил в управление лесного хозяйства, узнал номер телефона его ПСБ, и там мне сказали, что этот субъект уже давно у них не работает, уволен за прогулы и пьянство.

Я был в растерянности: сорван срок договора с заказчиком проекта, угнетала возможность потери исходных данных, в руках у Альфреда были все альбомы типового проекта, и не было даже возможности перепоручить его привязку кому-то другому.

С большим облегчением увидел я следующим утром в приемной сутулую фигуру Альфреда. Вид у него был другой – на грани к падению в бомжи. В руках у него бы уже не портфель, а сумка из брезентовой ткани, из нее выглядывал угол альбома типового проекта. Это меня несколько успокоило.

– Вы меня извините, – хриловато произнес Тимофеев. – Припоздал я немного со сроками. Непредвиденное произошло: ездил к сестренке в Саратов – вызывала по неотложному делу... Потом – приболел...

– Сделали?! – прервал я это вранье.

– Сделал, сделал. Пожалуйста, вот...

Он здесь же, прямо в приемной полез в сумку за чертежами.

– Пройдемте в мой кабинет, – остановил его я. – Не здесь же мы будем смотреть.

Первый же взгляд на работу Альфреда давал понять, что она – халтура чистой воды: не все, что должно быть исключено из проекта, зачеркнуто, не все, что нужно было добавить, добавлено, графика – безобразная, на уровне школьной работы, как будто он все линии проводил своей дрожащей рукой, не пользуясь ни линейкой, ни циркулем.

– Пояснительная записка? Расчеты? – спросил я, обдумывая ситуацию.

– Я расчеты не делал. Все – по интуиции: у меня же большой опыт...

– Ну, как же можно обойтись без расчетов? Мы делаем теплый пристрой, добавляются нагрузки на отопительную систему. Диаметры труб необходимо проверить расчетом...

– Все будет тип-топ. Не сомневайтесь. Я – отвечаю...

– А вот здесь вообще у трубы не указан диаметр, – сказал я. – Здесь не указано количество секций у батареи...

Ошибки серьезные, и Тимофеев склонился над чертежом.

– Действительно. Как же это я так? – пробормотал он. – У вас карандашик найдется?

Трясущейся рукой он поставил на чертеже какие-то цифры и подвинул альбом ко мне.

– Вот... Упустил... Когда на работе загрузка, да дома работаешь, иногда случаются промахи.

Я не стал уточнять о работе. В лесном ПСБ он уже не работает, вряд ли где-то устроился, но он, наверно, не догадывается, что я знаю об этом. Я смотрел на его исправления и чувствовал, как во мне закипает злость: мне нахально хотят всучить непотребное!

– Как же так, Альфред Георгиевич? – говорю я, стараясь не проявлять свои чувства. – Вы вот здесь указали диаметр трубы в сорок миллиметров, а перед этим участком он только двадцать? И секций у радиатора поставили целых двенадцать, тогда как в комнате рядом, такой же по объему и площади, их только четыре.

Тимофеев озадачено смотрит то на меня, то на свою работу, словно не понимая чего-то. Потом как будто его осенило:

– Да что ж это я?.. Вот вам, вот вам! – хлопает он себя ладонью по пальцам, будто наказывая их, как наказывают нашалившего малыша. – Как же вы так намарали?..

Он быстро зачеркивает только что написанные цифры и ставит рядом другие.

– Мазня получается, – говорю я, смотря на загаженный лист. – Надо стереть лишнее.

Тимофеев просит резинку и послушно стирает.

Я просматриваю чертежи уже более тщательно и вижу еще и еще примеры халтуры. Их так много, что исправлять нужно долго – просчитывать и исправлять. Тимофеев же сразу хватается за карандаш и вопросительно смотрит мне в глаза, будто спрашивая, какая цифра меня может устроить.

Меня могла устроить только правильная, расчетная цифра, и я ему говорю:

– Вы возьмите все это домой, и еще раз просмотрите, обоснуйте расчетами.

– Хорошо, – соглашается он.

– Сколько времени надо на доработку?

– Завтра все сделаю.

– Завтра не надо. Сделайте все внимательней, просчитайте... В следующий понедельник жду вас.

Разговор этот был в среду, и Тимофеев сказал:

– Это даже много – до понедельника. Раньше все сделаю... А как бы с авансом?..

– Как сделаете, получите все. Деньги ваши – в кассе уже...

Я сел в свое кресло, а Тимофеев вздохнул, как незаслуженно обиженный человек, и засунул чертежи в свою сумку. Но не уходил, задержался. «Наверно, совсем без денег сидит, – подумалось мне. – Сейчас будет клянчить. Не дам!»

А он произнес как-то не к месту:

– Отличная у вас чернильница... Откуда такая?.. Антиквариат?..

Чернильница и впрямь была интересной: из бронзы, в виде большого медведя, поднявшегося на задние лапы над соразмерным бочонком с верхним доньшком на миниатюрных петлях. В бочонке были чернила. Сейчас, в век авторучек, чернильницы не нужны, но я не убирал ее со стола, потому что уборщица, тетя Наташа, жившая рядом и работавшая здесь второе десятилетие, называла ее талисманом. Она время от времени продолжала подливать в медвежий бочонок чернила из бутылки, стоявшей за сейфом.

– Можно мне ее посмотреть? – спросил Альфред вкрадчиво.

Он подвинулся поближе к столу, нагнулся к чернильнице, и в глазах его сверкнул алчный огонь, то ли ценителя антиквариата, то ли бродяги, подумавшего, что такую вещь можно выгодно сбыть.

– Так, значит, мы с вами договорились?.. – прервал я вопросом его чрезмерное любопытство.

Тимофеев опять надолго исчез, и я ругал себя за доверчивость и беспечность – надо было забрать у него и проект, и исходные документы! Я посылая несколько раз рассылную по адресу, который Альфред указал в заявлении, но его дома не было ни в рабочее время, ни вечерами.

Его новое появление в бюро я воспринял за великое счастье. Я рад ему был, наверное, больше, чем тот мифический овцевод, который вновь обрел свою пропадавшую живность.

– Наконец-то! – воскликнул я с чувством, будто встретил закадычного друга, и даже хотел предложить ему чай или кофе, но потом спохватился.

– Ну, как?.. Закончили все?..

– Все, все... Все вот туточки. – Альфред суетливо доставал чертежи из той же затрапезной брезентовой торбы. – Пожалуйста...

Я сразу увидел, что вопросы, которые возникли при первом просмотре, были исправлены, но как-то очень небрежно.

– Вы бы стерли, что ли то, что было ошибочно, – сказал я ему, подавляя восторженность. – Зачем оставлять здесь такие помарки?!..

И Альфред в моих глазах стал опять тем, кем он, по сути, и был – жалким бесцветным ничтожеством.

– Сейчас, сейчас, – забормотал он униженно. – У вас резиночка есть?.. Спасибочки...

Непослушными пальцами алкоголика он держал резинку, блохой скакавшую по листу, и старался убрать следы своей старой погрешности.

Я просматривал чертежи, опасаясь увидеть новые ошибки, и увидел, да не одну, и какие!

– А это что здесь такое?!.. – я показал на канализационный выпуск из здания, который был соединен с водопроводным колодцем.

– Батюшки! – всплеснул руками Альфред. – Да как же это я так?!

Он скорчил такую плаксивую рожицу, что ему можно было бы посочувствовать, если не знать, на что способны такие артисты.

– Вот что, мой дорогой! – сказал я, решив больше не церемониться с этим лопухим халтурщиком. – Я сейчас уезжаю на совещание, а ты сиди здесь и все исправляй. Приеду, проверю каждую запятую!.. Исправишь – сразу в кассу, и – до свидания!.. Такой ты мне больше не нужен!

– Хорошо, хорошо, – согласился Альфред. – Можно, я за вашим столом поработаю?

– Можно. Работай.

Я предупредил секретаршу, что оставил в кабинете человека исправлять чертежи, и выехал в управление. Вернулся почти сразу – совещание не состоялось. Кабинет мой был пуст.

– А где этот? – спросил я, увидев, что к чертежам Альфред не притронулся.

– А он следом за вами ушел, – ответила секретарша, и смущенно добавила:

– Вот, посмотрите... Я только после заметила...

На паркетном полу блестели мелкие чернильные пятна, похожие на головастиков. Они начинались из моего кабинета, и там, возле стола, мы обнаружили самое большое пятно. На столе чернильницы не было. Было понятно, что Тимофеев похитил ее, выплеснув чернила прямо здесь, на пол. Было также понятно, что и с полом, и с разработкой проекта – хана! Но мне почему-то вдруг стало жалко не всех этих досадных потерь и предстоящих серьезных расходов, а только чернильницу, ту самую вещь, пребывание которой на своем рабочем столе я часто считал неуместным, и которая на нем оставалась только из уважения к старой сотруднице – уборщице тете Наташе.

На этом мои размышления и воспоминания прервались – я вошел в поликлинику. У двери в нужный мне кабинет был народ. Я занял очередь, сел на скамейку, и боль в моем ухе вновь разыгралась.

Стиснув зубы от адских прострелов, я абсолютно искренне думал: «Что, там сердце, легкие, печень и прочая требуха! Вот ухо – это, действительно, ценность!»

2010 г.

ХОЛЕРИК

Считается, что каждый человек уникален. У каждого непременно есть что-то свое: походка, почерк, отпечатки пальцев, ДНК, вкус, интересы... Словом, сплошной кавардак, сплошной человеческий хаос.

Но имеется, к счастью, критерий, по которому все это хаотичное множество можно свести к удобной системе координат, можно всех рассредоточить по полочкам. Этот критерий – темперамент, основной показатель свойств человека в его отношении к действительности. Оказывается, природа наделила людей всего лишь четырьмя видами темперамента и, согласно, им каждый из нас обязательно либо сангвиник, либо флегматик, либо холерик, либо, не дай бог, меланхолик. Только четыре варианта для всех индивидуумов. Независимо от того, кто кем работает: министром или подметальщиком улиц.

Вооружившись этими знаниями, интересно понаблюдать за своими знакомыми: а кто из них кто?

Вот Леха Назаров, шофер самосвала, несомненно, холерик. Он въедлив, горяч, неуступчив при спорах. Свои холерические свойства Леха проявляет повсюду, по малейшему поводу. Недавно был такой случай. Приходит его жена с базара и с радостью ему сообщает:

– Как дешево я сегодня картошку купила! У всех по двадцать пять за кило, а мне удалось взять по двадцать! Такая же, как у других, а на сколько дешевле! Постоять, конечно, пришлось – очередь образовалась у этой машины, но зато – выгода!

И она начинает высчитывать, насколько была ее покупка удачной:

– Значит, за пять килограмм, если бы по двадцать пять за кило, отдала бы сто двадцать пять рубликов, а я – всего сто! Осталось даже на хлеб и на соль!..

– Сколько здесь, говоришь, – недоверчиво спросил Назаров, взяв у нее сетку.

– Пять килограмм... А что?..

– Не будет здесь пяти килограмм, – заявляет скептически Леха. – От силы – три... И того наверно не наберется...

– Как же так? – растерялась жена, – Я сама видела цифру на ихних весах – ровно пять килограмм.

– А вот мы сейчас и проверим...

Бегунок на домашнем безмене замер на делении три с половиной. Леха быстро пересчитал исходные данные и сказал, что каждый килограмм картофеля обошелся им в двадцать восемь рублей и пятьдесят семь копеек.

– Вот тебе и дешевле! – сдержанно сказал он. – Напрасно толкалась в очереди... Надули тебя...

Сангвиник, флегматик и меланхолик на этом и закончили бы разговор о картофеле.

Сангвиник рассмеялся бы и похвалил хитроумных торговцев: гениально придумали! Такие своего не упустят! Назаровым он посоветовал бы впредь смотреть в оба глаза, а сейчас – успокоиться.

Флегматик тоже бы успокоительно произнес: все мы где-то что-то теряем, а что-то находим, так что смиришься.

Меланхолик принялся бы обвинять современные власти во всех известных ему смертных грехах и запутался бы в своих обвинениях, позабыв о том, с чего начал.

Но не таков нрав холерика!

Леха не стал упрекать жену в ротозействе, весь свой пыл, присущий настоящим холерикам, он направил на картофельных плутов. Высказав в их адрес гирлянду кудрявых эпитетов, он дал команду жене:

– Собирайся! Пойдем разбираться! Будем наводить большевистский порядок!

Назаров знал, что при коммунистах за обман покупателей немилосердно карали. О большевистских репрессиях СМИ давно прожужжали всем уши.

И вот они на территории рынка. Уже издали Леха приметил объект своего интереса: возле одной из огромных машин мухами роился народ, от нее то и дело отходили женщины с довольными лицами. Они сгибались под тяжестью сумок, руки их вытягивались почти до земли, но их лица сияли – дешевая ноша, как известно, не тянет.

С решительным видом Леха пробрался к открытому заднему борту. В кузове в поте лица трудились два смуглых усатых мужчины. Один торопливо наполнял картофелем сумки, сетки, кошелки, другой прикидывал вес на небольших пружинных весах и моментально, будто в голове его помещался компьютер, называл сумму.

– Слышь ты, крыса ус-сатая! – заикнувшись, обратился Леха к тому, кто с весами, с трудом стараясь держать себя в рамках учтивости. – А ведь ты обманул сейчас эту женщину.

Он кивнул на жену и легко приподнял в руке сетку с картофелем.

– Здесь только...

– Ходи вон туда, не дал договорить ему продавец, высунув из кузова свою волосатую лапу.

Леха повернул голову и посмотрел в указанном направлении.

Неподалеку, за столом, нагруженным коробками с абрикосом, сливой и виноградом, сидели два тоже смуглолицых и тоже с усами мужчины, возрастом они были старше тех, кто орудовал в кузове и одеты значительно чище. Оба внимательно наблюдали за ходом торговли картофелем. Им скандал был, очевидно, не нужен.

– Иди сюда, дарагой, – крикнул один из них – Ты чем недоволен?..

– Крысятничают в наглуую! – сказал Леха повышенным тоном. Разве здесь будет пять килограмм?!

Смуглолицый взял из руки его сетку, взвесил ее на стоявших перед ним электронных весах, потом, молча, стал доставать из мешка картофелины и докладывать сетку. Картофель был превосходный на вид: крупный, чистый, без глазков и прочих изъянов.

– Теперь правильно?..

– Теперь правильно, – подтвердил Леха, увидев вес больше пяти килограмм.

Продавец абрикосов взглянул на него с таким презрительным видом, как будто это Назаров учинял здесь позорный обман.

Инцидент был, казалось, исчерпан, но Леха так не считал. Он почувствовал обиду за оскорбительный взгляд, за других, которых продолжали все так же обвешивать, и он решил попытаться пресечь эту откровенную наглость. Он посмотрел на очередь, опять – на продавца абрикосов, потом придержал за руку женщину, только что отошедшую от машины с картофелем.

– Вы сколько взяли? – спросил он ее.

– Пять килограмм.

– Давайте проверим...

Их разговор услышал мужчина, собиравший с покупателей деньги.

– Чево там у вас? – крикнул он женщине.

– Проверить хотим, как вы взвешиваете, – ответил за нее Назаров.

Он хотел перепроверить вес у продавца абрикосов, но тот отказался оказать ему эту услугу.

– Если не веришь, – произнес он угрюмо, – иди в базарком: там контрольные весы есть...

– А вот и пойду! – сказал упрямо Назаров. – Вы здесь за лохов покупателей держите! Весы подкрутили, и вешаете лапшу на уши!

Женщина стояла рядом в растерянности. С одной стороны, она понимала, что симпатичный мужчина действует в ее интересах, с другой – она не верила, что людей можно вот так бесстыже обманывать, и ей не хотелось ходить в базаркомы.

Но никуда им идти не пришлось. Один покупатель имел при себе такие же точно весы, какими продавцы отвечивали картофель, он предложил перевесить на них.

– Я проверял их недавно, – сказал он. – Вешают точно.

Перевесили, в сетке оказалось только три килограмма. Женщина побагровела, хотела устроить скандал, но ее подозвал к себе продавец абрикосов и вернул переплаченную сумму. Женщина облила его негодующим взглядом и направилась к выходу с рынка.

К мужчине, имевшему свой безмен, стали в очередь и другие, купившие в этой машине картофель.

– Взвесь и мою, – просили они.

Мужчина никому не отказывал и у всех обнаруживал недовес. Какое-то время продавец абрикосов возвращал переплату, но поняв, что их обман расшифрован, что-то крикнул на своем языке продавцу в машине, и недовес прекратился. Как уже понял Назаров, у продавцов были и другие весы. По виду точно такие же, но правильные. Темп продажи ходового товара упал, очередь увеличилась.

Жена нетерпеливо тянула Назарова за руку:

– Пойдем. Мы же свое получили... Пусть каждый сам за себя разбирается...

– Ты возвращайся, – ответил ей Леха, вошедший в воинственный раж, – а я буду здесь стоять до конца.

Продавцы перекинулись друг с другом словами и прекратили торговлю.

– Перерыв на обед! – сказал тот, кто с весами манипулировал в кузове. – Идите к другим.

Оба мужчины спрыгнули на землю.

– Ничего, обедайте, – сказал им Назаров. – Я подожду...

Эти слова вызвали явное недовольство как продавцов, так и покупателей.

– Продавцов еще как-то можно понять, – с досадой говорил потом Леха соседям, – они – торгаши, спекулянты! Честная торговля для них все равно, что дойка козлов. Но вот как понять покупателей?! Их околпачивают прямо на их же глазах!

Он размышлял вслух над этой загадкой, его соседи, молча, курили и тоже недоуменно пожимали плечами. Только один из них, вероятно, сангвиник все же спросил:

– И чем же все это закончилось? Ты так сразу ушел?..

– Не сразу, – ответил Назаров. – Немного еще побарахтался на этой помойке...

Вот что, с его слов, происходило дальше на рынке.

Продолжая считать, что новоявленный контролер только мешает торговле, кто-то из покупателей сбегал в администрацию рынка и привел с собой представителя власти с погонами сержанта милиции.

Милиционер поговорил о чем-то с продавцами картофеля и предложил Назарову проследовать с ним.

– Почему вы не хотите здесь, на месте, выяснить все? – возразил ему Леха. – Мне уже все понятно, – ответил сержант. – Свою версию вы изложите в администрации.

Следуя за сержантом, Назаров обернулся назад. Торговля с этой машины возобновилась. Так же возле нее толпился народ, так же бойко сновали руки сноровистых продавцов.

В администрации к словам Назарова отнеслись, как будто бы, с должным вниманием и тут же создали комиссию для проверки сигнала.

Комиссия не обнаружила никаких нарушений. Вес покупки у трех выбранных наугад покупателей точно соответствовал оплаченному ими весу продукта. На уверения Назарова, что у продавцов есть другие весы, которыми они манипулируют, члены комиссии только пожимали плечами.

– Вы, молодой человек, – молвил старший из них, – напраслину возводите на добропорядочных продавцов... Видите – никто, кроме вас, к ним не имеет претензий... Какие у вас есть доказательства нарушений ими правил торговли?..

И действительно, у Назарова сейчас не было никаких доказательств. Купленный им с супругой картофель был уже дома, а люди, стоявшие толпой у машины, были озабочены только тем, чтобы быстрее выплатить названную «компьютером» сумму. Дотошный правдоискатель стал действовать им на нервы.

В администрацию Назаров не пошел, хотя его туда приглашали члены комиссии для составления какого-то акта. Что будет отражено в этом акте, Назаров предвидел.

Домой он возвращался с гадким осадком в душе.

Итак, наблюдая за поведением Назарова на пресловутом базаре, легко убедиться, что он – стопроцентный холерик. Но это не все...

Человек с аналитическим складом ума, человек, способный видеть и дальше и глубже, извлек бы еще кое-что и из самой ситуации, по которой определялся холерик. Этот человек, непременно сказал бы, что на данном конкретном базаре цена картофеля была несоразмерно высокой: согласно народным приметам, в местах, где килограмм картофеля стоит больше, чем килограмм хлеба, власть, мягко говоря, никудышная. Сказал бы, что на данном конкретном базаре процветает коррупция: мошенники бесцеремонно обирают людей, а власти закрывают на это глаза. Ответ на вопрос: почему – очевиден. Что народ на данном конкретном базаре и в данное конкретное время был подобен слепому глупцу: ему помогали прозреть, а он прогонял от себя исцелителя.

И еще. Из всей многоликой и разнохарактерной массы народа, из четырех типов ее темперамента этот гипотетический аналитик выделил бы только холериков: холерик – бескомпромиссный борец с обнаруженным злом. Он не всегда победитель, но всегда на коне, всегда готов к схватке. Он для бесчестных людей – как кость в волчьем их горле.

2010 г

НАХОДКА

Случается иногда и такое. Идет себе человек по дороге, идет и о чем-то задумался, размышляет, возможно, о счастье – какое оно, в чем его суть, с чем его кушают блаженные люди?.. Сейчас проповедуют – счастье в деньгах...

Пакет, что лежал на краю тротуара, был немного открыт, и в нем видны были деньги. Вот оно счастье?..

Компетентные органы не советуют трогать предметы, оставленные без глазу на улице – мало ли что! Там может быть даже бомба: в наши дни стало модным развлекать потускневший народ такими сюрпризами. Есть и другие причины не касаться бесхозных вещей (об этом чуть позже). Словом, трогать – опасно, но Скворцов тронул. Он взял пакет в руки и раскрыл его полностью. Брал без опаски – он был воспитан в советское время, когда люди еще не боялись друг друга и жили в согласии...

Петр Скворцов, сорокалетний мужчина, – учитель химии в школе. Деньги ему ох, как нужны: смешная зарплата, но не смешные потребности – квартплата, лекарства, продукты, долги...

Толстая пачка сотенных долларов была опоясана желтой резинкой. Бери и владей, решай все проблемы! Так поступила бы разномастная челядь из наставшей эпохи стяжательства и мздоимства, но не таков был Петр Скворцов, человек, воспитанный в советской системе! Тогда к деньгам отношение было другое: необходимость в них признавалась, но не больше того. Никаких фетишизмов!

Петр тотчас подумал не о себе, подумал о том, кто потерял эти деньги: наверняка, бедолага страдает! И он решил отнести находку в милицию.

Было это в субботу, перед началом летних каникул, и Скворцов беспокоится только о том, как бы не задержаться надолго в милиции: надо зайти обязательно в школу – узнать, когда начнут выдавать отпускные. Шевельнулась меркантильная мысль: в руках у меня сумма, больше в сто раз моих отпускных! Но он без труда подавил искушение.

Однако до милиции Петр не дошел. В конце квартала ему встретился Миша Сосновский, грузный, коротконогий, похожий на медведя мужчина, ровесник Скворцова.

Миша был давним знакомым Петра, даже больше чем просто знакомым. Они вместе когда-то играли в футбол, вместе служили в армии, гуляли друг у друга на свадьбе, словом, считались друзьями. Но со временем их пути разошлись. Скворцов стал учителем в школе, Сосновский – мелким предпринимателем, амбициозным и невезучим. Он с азартом начинал разнотипный бизнес, а заканчивал его только с одним результатом – неудача, убытки. Но Миша никогда не предавался унынию, и сейчас его большое лицо с породистым носом расплывалось в улыбке: он, похоже, был рад неожиданной встрече.

После теплых приветствий Петр рассказал приятелю о находке, сказал, где и как он ее обнаружил.

Сосновский тоже получил полновесную порцию советского воспитания, но ему удалось перестроиться, и к деньгам он стал относиться иначе – с благоговением, в русле сегодняшней жизни, и несколько шире. Можно сказать, что деньги теперь – его слабость. Он только и думал о деньгах, а тут – вот они, перед ним! Правда, не в его кошельке, и эта несправедливость ему не понравилась. В черных глазенках Сосновского сверкнули бесовские искры, на не бритых щеках проявились багровые пятна.

– Сколько там их? – вроде бы равнодушно интересуется он.

Вдвоем они изучают пакет и его содержимое. Денег действительно много.

– И что ты с ними думаешь делать?..

– Несу вот в милицию...

– Да ты в уме?!.. – напускное безразличие с Миши слетело мгновенно. – Там же их сразу присвоят! Ты же сам знаешь, кто там работает!.. Правда, сейчас их назвали полицией, но люди остались все те же!

И Сосновский мажет милицию грязью, дескать, там служат только бесчестные люди. Свои мнения он, ссылаясь на СМИ, украшает правдивыми фактами. Говорит и о том, как в местной милиции обчистили его компаньона.

– Ни за что человека забрали на улице, – уверяет он, прихватив Скворцова за локоть, – а там, в милиции, отобрали документы и деньги, самого же отправили в камеру. Документы после вернули, а деньги – фиг вам! Сказали, что денег с ним не было...

– Я их сдам по квитанции, – говорит уже с сомнением Петр.

– Ха-ха! Кто там тебе выдаст квитанцию?! Заставят написать объяснение и – точка! И – до свидания!.. А если что-то тебе и дадут – что ты с ним будешь делать? Спрашивать, как вы распорядились деньгами? У кого?..

Миша выпускал изо рта лишь безобидные фразы из тех, что бушевали в его возмущенной душе. Их накал выдавало лицо и железная хватка за локоть. «Идиот!! – негодовал внутренне он. – На него, дурака голозадного, свалилось такое богатство, а он корчит из себя альтруиста! Кто сейчас думает о том, как возратить деньги?! Сейчас думают совсем о другом: как бы кого околпачить, отнять их под благовидным или неблагоприятным предлогом!.. Вот, идиот!..»

Сосновский горячо убеждает Петра ни за что не расставаться с деньгами, и если не до конца убедил, то расшатал его намерение нести находку в милицию. Сейчас довольно легко доказать человеку нечистоплотность и коварство властных структур – доказательств хоть отбавляй, и Скворцов в конце концов сдался.

– Так куда же мне их?.. – говорит он растерянно.

Предвкушая поживу, Сосновский ему предлагает: давай-ка пока их придержим, пока не объявится тот, кто их потерял. Если через год никто не объявится, деньги по всем законам – твои!

– Но, если какой вдруг объявится, ты не торопись отдавать, – предупреждает он доверительно. – Сейчас объявиться может много желающих...

– А мы с тобой вместе их тогда отфильтруем, – соглашается повеселевший Скворцов.

Хозяин денег объявился на третий день, в понедельник. Жена Скворцова, работавшая фармацевтом в аптеке, рассказала про душещипательный случай:

– Сегодня подошла ко мне женщина. Вся в слезах. Говорит, что потеряла пакетик с деньгами... Ей дочь из Америки посылку прислала – доллары, на операцию. Она положила деньги в пакет и пошла с ними в банк, чтобы поменять на рубли, а дорогой ей стало плохо. Отключилось сознание. Очнулась в больнице. Про деньги там, естественно, ничего не известно... Посчитали, что бредит гражданка... А она ревет, как белуга, три пузырька валерьянки купила... Телефон свой, вот, зачем-то мне навязала...

Скворцов взглянул на бумажку с номером телефона и пожал неопределенно плечами. Он ничего не сказал жене о находке: шадил ее нервы и психику, берег от соблазна. «Сразу начнутся фантазии: а вдруг это не она потеряла, а может это нам бог счастье послал, увидел наши мытарства и сжалился. А мы его милость не ценим!..» Петр был уверен, что деньги надо вернуть.

Наутро, проводив жену на работу, он разыскал бумажку и позвонил по номеру, написанному в ней крупными цифрами. Женщина, взявшая трубку, описала и пакет, и место, где с ней случилось несчастье. Все совпадало. Скворцов сказал, что деньги ее у него, и она их может, когда захочет, забрать. Сквозь слезы и поток благодарностей женщина заявила, что будет у него через час. Скворцов вспомнил о предосторожности и, позвонив Сосновскому, попросил его присутствовать при передаче денег их потенциальной владелице.

Через час в квартиру Скворцова вошла полноватая женщина в кожаной куртке. Она непрестанно хныкала, утиралась огромным платком и выглядела такой обреченной, что Петр готов был отдать ей деньги немедленно. Сосновский был более бдителен и устроил незнакомке пристрастный допрос. Женщина держалась уверенно. Описала подробно пакет, в который она клала деньги, как и чем была увязана пачка, назвала точно место, с которого увезла ее скорая помощь. Все сходилось до мелочей. Петр вручил страдалице деньги и благородно отказался от предложенного вознаграждения. Сосновский, тоже из благородства, вызвался проводить женщину к ее дому.

Они расстались на волне взаимной приязни и уважения, и несколько дней Скворцов гасил в себе невольное чувство гордости за свой неординарный поступок.

Больше с Сосновским они не встречались, но история с ценной находкой для них не закончилась.

Где-то неделю спустя после избавления от найденных денег Скворцов узнает, что Сосновского арестовали. Об этом сообщил Денис Кондаков, общий знакомый Петра и Сосновского. По словам Кондакова, Сосновского обвиняли в государственном преступлении – срыве операции спецслужб по разоблачению в коррупции большого городского чиновника.

Услышав имя чиновника, Скворцов с уважением подумал: вон на кого замахнулись! На первого заместителя мэра! Этот высокопоставленный хлюст слыл среди горожан наглым, ненасытным, но хитрым хапугой. Его надо брать было только с поличным. И вот когда все было тонко просчитано и продумано и казалось, что взяточник уже схвачен, произошел неожиданный казус – по вине Сосновского операция провалилась. «Причем здесь Сосновский? – ломал себе голову Петр. – Они не были даже знакомы друг с другом». Оказалось, что очень причем.

Сосновский попал в поле зрения сыщиков, когда пришел в банк и попросил обменять ему доллары, а доллары были помечены, приготовлены для вручения в качестве взятки злостному вымогателю. Пачку этих засвеченных долларов вручать должен был крупный предприниматель, которому вице – мэр устраивал щедрый заказ на строительство спортивного комплекса. Но заломленная сумма отката была непомерной, и предприниматель обратился в полицию.

Дальше дело шло по задумке полиции. Когда предприниматель вышел из конспиративной квартиры, в которой происходила аудиенция, и подал условленный знак, туда ворвались сыщики. Но денег не оказалось ни в карманах чиновника, ни в столе, ни в других укромных местах.

Сыщики сели в галюшу: чиновник их обвинил в провокации, грозил судом за оскорбление личности и дискредитацию должностного лица. Когда же деньги нашлись у Сосновского, сыщиков посетила догадка: чиновник выбросил их сообщнику в форточку. Сосновского взяли в крутой оборот.

Сосновский все отрицал, клялся, что сверток с деньгами нашел он случайно на улице. Но сыщики ему не поверили, и были правы – деньги нашел не он, а Скворцов.

Петр понял: Сосновский подленько его обманул! И тот пасквиль на милицию, и плаксивая женщина – все это инсценировка и ложь. Ложь с одной целью – выманить деньги. Деньги, которые Петр простодушно отдал плачущей женщине, оказались в руках у Сосновского, и теперь сам Скворцов может быть втянут в уголовное дело.

У Петра появилось тревожное чувство и заняло под ложечкой.

– Надо же было так лопухнуться! – восклицал между тем Кондаков. – Прежде, чем идти в банк, надо было самому их проверить! Убедиться, что нет тут подставы!

Чувствовалось, что Кондаков глубоко осуждает Сосновского, но только за то, что он повел себя очень неосмотрительно завладев большими деньгами. Уж он, Кондаков, ни за что бы не «лопухнулся», уж он не попался бы так глупо на удочку.

– Когда его забирали, – смаковал Денис свой рассказ, – жена его висла на полицейских и голосила, что Мишенька ее невиновен, что он кандидат в депутаты, что треклятые деньги ему подложил конкурент-provokator.

При этих словах тревога Скворцова усилилась. Он уже ждал имя того provokatora: Кондаков во время рассказа пару раз пристально посмотрел на него. Но пока обошлось без имен.

Простившись с Денисом, Петр остается в объятиях мрачных предчувствий. Он думает о лопнувшей дружбе с Сосновским, о мудреных ловушках спецслужб, об истоках русской пословицы: счастье не в деньгах...

2011 г.

ГРЕХИ ВО СПАСЕНИЕ

Как и многие мелкие предприниматели, люди, чье благоденствие часто зависит от удачных моментов и обстоятельств, Мошкин был суеверен. Он таким стал, оказавшись в бедламе торгашеских отношений. Отношений, из которых нечистые силы изгнали человечность, порядочность, совесть, а на трон вознесли бессердечную выгоду. Он стал мнительным, стал изучать приметы и предсказания, стал на себе проверять их правдивость, и она у него всегда подтверждалась. Встретит, например, с пустым ведром женщину и сразу подумает, что не к добру эта встреча, что там, куда он идет, для него будет пусто. И точно – придет, а там действительно пусто! «Лучше бы не ходил, – сетует он, – лучше бы сразу вернулся обратно». При виде на своем пути кошки он боялся неведомой неприятности. Чтобы ее избежать, он крестился, трижды сплевывал через плечо и пропускал вперед какого-нибудь не суеверного пешехода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.